

* Н * В * П *

Н О В А Я П О Э З И Я

ВЛАДИМИР
Беляев

НИЧЕГО НЕ ОБЪЯСНЯЮЩИЕ
ФРАГМЕНТЫ ПРЕКРАСНОГО

НОВЕЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

Новая поэзия (Новое литературное обозрение)

Владимир Беляев

**Ничего не объясняющие
фрагменты прекрасного**

«НЛО»

2017

Беляев В.

Ничего не объясняющие фрагменты прекрасного /
В. Беляев — «НЛО», 2017 — (Новая поэзия (Новое
литературное обозрение))

ISBN 978-5-4448-0858-0

Владимир Беляев (р. 1983) – поэт, акционист, культуртрегер. Автор книг «Именуемые стороны» (2013) и «Вроде сторожившего нас» (2015). Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Новый мир», «Воздух», «Новый берег», «Арион», «Интерпоэзия», в альманахе «Новая камера хранения». Организатор ландшафтного поэтического фестиваля «Пушкинские лаборатории». Участник выставки «Formatting memory» в пространстве «Вертикаль» (проект «Таблички») (2016). Лауреат премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2015). Живет в г. Пушкин.

ISBN 978-5-4448-0858-0

© Беляев В., 2017

© НЛО, 2017

Содержание

Физика непреходящего	7
Из книги «Именуемые стороны» (2013)	11
«Похоронили по-человечески...»	11
«Тайна-наволочка-туман...»	12
«Вышли из трапезной. ветрено, дымно...»	13
«Музыку включили, вышли на свободу...»	14
«Где граница участка – когда и где...»	15
«По шанхайке-грунтовке, но уже не домой...»	16
«Шли поклониться жасмину и добрым отцам...»	17
«Вот больница светом залита...»	18
«Сам я понял или научили старшие...»	19
«Только и слышал скрип – заходили просящие...»	20
«И не знаешь уже, к кому обратиться...»	21
«...Было и мне обещание...»	22
«Открываются поочередно...»	23
«Кто как не я. охранять дискотеку в березах...»	24
«Охраняешь, охранник...»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Беляев

Ничего не объясняющие фрагменты прекрасного

© В. Беляев, 2017

© А. Житенев, предисловие, 2017

© Д. Давыдов, фото, 2017

© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

* * *

Физика непреходящего

Владимир Беляев – царскосел, и мифология места во многом определяет его самопонимание, акцентируя ирреальность пространства и смещенность культурных пластов: «Мой город – город-выдумка, город-памятник <...> и все его богатство лучшим образом обедняется, открывая возможность для повседневной детерриторизации, для переконструирования, создания своих пространств»¹.

Закономерно, что в построении генеалогий, всегда более или менее гадательном, важнейшие линии связываются критиками с «петербургской поэтикой» в ее алогическом изводе (И. Анненский)², с поздним авангардом (А. Введенский)³ и медитативно-созерцательной поэзией «второй культуры» (М. Айзенберг)⁴. Впрочем, в «сновидной» реальности этой лирики «читатель чувствует себя сбитым с толку»⁵, что ставит под вопрос слишком очевидные параллели. Предметное у В. Беляева опосредуется умозрительным, близкие культурные контексты – далекими, и чтение его текстов предполагает учет не только ближайшей литературной традиции. В этой поэзии отмечается «уход от проблематизации в архетип»; стремление превратить «поэзию в психоаналитическую практику» и одновременно – движение «в сферу чистого внимания, отслеживающего само себя»⁶.

Тем примечательней, что герметическая поэтическая работа, ориентированная не столько на резонирование с другими голосами, сколько на обособление и инволюцию, хорошо вписана в поэтический контекст, доказательство чему – и публикации книг в разных поэтических сериях (2013, 2015)⁷, и широкое участие в фестивальном движении, и получение премии «Дебют», оцениваемой нередко как мейнстримная, оставляющая за бортом наиболее радикальные практики (2015).

Новая книга В. Беляева – репрезентативное избранное, включающее как уже публиковавшиеся, так и новые тексты. По нему вполне можно составить представление и о поэте, и о его времени, поскольку эти тексты несут в себе стихию общего и выражают универсальный опыт. Впрочем, даже сосредоточенное вслушивание не создает здесь ощущения разгаданности.

Слово здесь возникает из обращенного к субъекту вызова или сложно формулируемого вопроса, из несоответствия явленного и сущностного: «окрестность ждала / сына, ключа, открытия». Герменевтическая «непрозрачность» обнаруживает вариативность привычных связей и смыслов, «фактурность» означивания, когда желание осваивает мир, «не попадая в разломы значений, / в мистический переплет, в зазубрины слов».

¹ Беляев В. [Черновик «Нобелевской речи»] // http://www.pokolenie-debut.ru/nobel_speech/chernovik-nobelevskoy-rechi-vladimira-belyaeva_8543.

² «Анненский в немыслимом для себя окружении: на бесконечной советской войне и в раю-аду после нее» (*Шубинский В. Раз-два-три, где четвертый* // Беляев В. Именуемые стороны. М.: Русский Гулливер, 2013. С. 7).

³ «Намеренно оборванная линия Дельвиг – Фет – Введенский (в обход очевидного Ходасевича) намекает на общее предпочтение бокового, теневого культурного сюжета» (*Кузьмин Д. «Полюса»*. Владимир Беляев – Ксения Чарыева // http://www.litkarta.ru/rus/dossier/charyeva-vs-beliaev/dossier_34192/).

⁴ «Для Владимира Беляева ориентиром служит не только постакаменстическая традиция (в лице Михаила Айзенберга), но и традиция обэриутов вкупе с мировой психоаналитической мыслью» (*Рымбу Г., Трабун Д. Петербургская поэзия* // <http://mag.afisha.ru/stories/v-noiskah-russkoj-dushi/chechenskie-hudozhniki/>).

⁵ Генерозова Е. А может, и не нас вовсе // <http://litteratura.org/criticism/1112-elena-generozova-a-mozhet-i-ne-nas-vovse.html>.

⁶ Формулы из рецензий Г. Рымбу и А. Порвина в «Хронике поэтического книгоиздания» журнала «Воздух» (2013. № 1-2) // <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2013-1-2/hronika/>.

⁷ Беляев В. Именуемые стороны. М.: Русский Гулливер, 2013; Беляев В. Вроде сторожившего нас. New York: Ailuros Publishing, 2015.

Истолкование смысловых разрывов с помощью метафор осязания заставляет и саму ситуацию вопрошания воспринимать в пространственном ключе – как появление «зазоров» в ткани бытия: «лес летает – гул стоит / будто воздух там разрыт». Этот «поиск дверей поезд дверей» делает очевидным пластичность «ландшафта», способного выворачиваться и растягиваться.

Способность ориентироваться в мире предполагает движение сквозь себя самого, «зазор для человека» и «окошко в теле» взаимно соотнесены: «тело открывается / дверь горит / огонь в очереди стоит». Возможность «прорасти сквозь себя» или натолкнуться на «стену внутри» не задана изначально и определяется степенью внутренней собранности, готовностью вслушиваться в мир.

Перспективы роста и самоизменения в стихах В. Беляева часто связаны с «гулом» и «светом». Звук связывает предметы, выявляет их сорасположенность и способность к резонансу: «гул собирает окрестность», «воскресенье – голос – птичий куст», «язык скрипов». Свет – «остролистый», «океанический», «реликтовый» – придает вещам ауру ирреальности: «свет начинается и распадается на стороны», «все равно я люблю этот свет беспредметный».

Возникновение «я» в точке созерцания, в архетипическом телесном опыте, «опыте воды и песка» определяется тем, что границы субъекта здесь прозрачны, а противопоставление «я» и «не-я» часто несущественно: «где образ человеческий теряется начинается что-то другое. / что-то такое мается, / не знает покоя / <...> / огонь как образ человеческий / на месте мест перемещается. / как будто человек предместье, / где прыгать-бегать запрещается». Человек как «книга, пахнущая животным», легко подпадает под гипнотическое воздействие природных стихий, которые изымают его из хода бытия, вымывая личностную память: «остановишься – останешься. длиться в колодезном позвякивании, в темно-синей взвеси над дальним ельником. как когда-то становился падающей водой, грудой воды на вырицкой плотине, гулким ледяным провалом, перемалывающими себя глыбами».

Субъектность, формируемая таким образом, задается полюсами «бессюжетности» и «вынужденности». «Вынужденность» связана со смыслопорождением и автодокументацией: «будто сам себе след, / будто стал себе вынужден», «бессюжетность» – с растворением в природных энергиях и ритмах: «если бы ты и правда существовал вне сюжета, / и твое существование измерялось бы только накатывающими волнами вечности, света и тьмы».

Зыбкость баланса этих полюсов ставит «честность» самоотчета на место любых твердых мнений: «стих – пастырь укромного леса, / откликается, находит слуховое окно, / говорит чуть слева – честно или не честно?» Эту «честность», однако, нужно уметь отличать от нарциссической «достоверности», от самозамыкания в готовом наборе ответов: «каждый осторожно празднует себя, / пока не появляются слова, / в которых нельзя затвориться». «Честность» связана с убежденностью в том, что готовность к самоизменению является условием сохранения творческой идентичности. Оттого поиск примет новизны, знаков, говорящих о необходимости сменить точку отсчета, имеет здесь особое значение. Жизнь «срывает старые печати», открывая зрению «расходящиеся круги отработавших смыслов, имен, действий», и задача состоит в том, чтобы найти пути «если не освобождения, то хотя бы побега».

В интерпретации этого «побега» стихи двух последних лет отчетливо противостоят более ранним по воссоздаваемой картине мира и набору образов-лейтмотивов. В более ранних текстах «новое» связано с редукцией предметных связей: «чтоб со дна шагов дозвонился телефон / надо больше зренья спинного»; в более поздних – с ослаблением связей человеческих: «холод заставил двигаться, / а воздух опустошает пространство, нажитое совместно».

Нельзя не отметить и смену семантических операторов: на место пары «гореть» / «истаивать» приходит пара «мерцать» / «перебегать». Первая оппозиция обозначает интенсивность и необратимость изменений: «истаивают» «слова» и «взоры», и «человек горит»;

вторая указывает на прерывистость существования и ускользание от определений: «отделенность сбивает в мерцании знака», и «перебегание» напрасно тщится «поймать взгляд зверя».

Разными оказываются и проекции субъектности: неготовности совпасть с предметом переживания: «не собраться уже и не стать / человеком, травой, полусветом» – противостоит нежелание стать пленником собственных объективаций: «стать мерцающим радио в общем не высказанном напряжении мира, перебегая и не становясь знаком-образом-вещью». Стремление «называться собой» опосредовано незнанием себя, «отделенностью от себя». В последних текстах книги часто звучит мотив отчуждения, «избытки прежних связей»: «трещины отчуждения – как трещины на фотокарточке, заполняют собой весь видимый воздух», космос «разбивает прежде не отчуждаемое». Общий мир разнимается на множество не пересекающихся траекторий: «никто ни с кем не встречается – здесь-там – проходя по касательной», и реальность заполняют «знаки/пыль/несостоявшихся соответствий».

Это значимая перемена, позволяющая отметить еще одно различие: органической целокупности природного мира противостоит в книге реальность зеркальная и фрагментированная. С одной стороны – «зеленый шар полудня, / где теплые волны сшивают цветавещи-растения», с другой – «дрожащий и зеркальный мир» «вошедшей в глаз крови», несущий в себе новую формулу красоты: «статический образ во время фазы глубокого сна».

Стремление «раздышать речи и дни» исподволь перестраивает интонацию и структуру текста; «речь на руинах», сохраняя в себе раздумчивость и сосредоточенность, расслаивается на трудно стыкуемые плоскости, приобретает алеаторический характер. Работа со «случайностью» текстовых фрагментов и «найденным» словом оказываются поисками смысла на грани его исчезновения, попыткой сохранить субъекта в акте означивания.

Изменения в понимании слова и текста, отчетливо читаемые в последних текстах книги, несомненно, связаны с еще одной значимой стороной творческой работы В. Беляева – организацией ландшафтного поэтического фестиваля «Пушкинские лаборатории», проводимого с 2012 года. В одном из своих выступлений поэт указывает на потребность «переводить архитектуру, геометрию, ландшафт в музыку, во внутреннее устройство стихов, в дистанцию между тропами»⁸. Фестивальная практика, исследующая формы бытования текста на грани социального и природного пространств, вполне отвечает этой задаче.

Интересно отметить усложнение фестивальной формы: если изначально речь шла о переозначивании пространства и проблематизации восприятия («диалог слова и пространства, в котором оно звучит», «драматургия перехода от предыдущих поэтик и ландшафтов к последующим»)⁹, то в дальнейшем на первый план вышла уже постановка под вопрос субъекта речи и форм бытования высказывания между перформансом и инсталляцией («свойственная прогулке разнородность внимания возвращает маршруту смысл в момент остановки, когда идущие переводят дыхание, обращаясь к слову и голосу, а слово и голос обнаруживают поэта»)¹⁰.

Возможность мыслить текст вне привычного медиума, в единстве слова и дыхания, звучания и присутствия обусловила интерес поэта к поиску новых возможностей оформления смысла и его закрепления. Так в поле внимания попали работа со случайной комбинацией «готовых» формул и «овеществление» высказывания в деревянной табличке с текстом. Из умозрительного и бумажного мира поэзия возвращается во внеэстетическое поле, в мир вещей, в повседневность.

⁸ Беляев В. [Черновик «Нобелевской речи»].

⁹ Ландшафтный поэтический фестиваль «Пушкинские лаборатории» // <http://gorod-pushkin.info/pushkinlab-16-06-2012>.

¹⁰ Пушкинские лаборатории // <http://www.gorodpushkin.ru/afisha/full/2857>.

Поэзия в изобретенном поэтом жанре табличек соотносится с перформативными и ритуальными практиками, а результат творчества закрепляется в арт-объекте, который подчеркивает внеположность высказывания принятым формам бытования поэтического текста. Вещественность и «ничейность» стихотворения здесь принципиальны: «„Табличка“ – это вещь, артефакт, имеющий материальное измерение, в отличие от текста <...> Табличка в этом смысле – попытка поймать воробья, сжать ветер, сделать слово-вещь, текстовую икону, в конце концов. <...> Табличка – это что-то, чему можно уделить большее время взгляда, избыть это время через взгляд, и восстановить в правах пространство и память»¹¹.

Это один из самых радикальных в современной поэзии примеров изменения условностей, связанных с восприятием поэтического текста, с его «горизонтом ожиданий». Отрадно, что в этом отважном формотворческом жесте сохраняется возможность очищения чувств, превращения читателя в «истончающиеся условия, / в выбор, в предзнаменования, в речь пальцев, / в бессмертную динамику поверхностей, в бег-бег-бег».

Александр Житенев

¹¹ Беляев В. Интервью автору статьи от 29.05.2016.

Из книги «Именуемые стороны» (2013)

«Похоронили по-человечески...»

похоронили по-человечески,
сделали крестик из багетной рамки.
вечером смотрели сквозь занавески
на проходящие танки.

страшно, и ждешь, пока гул удаляется.
но потом – не легко, а пусто.
я и сейчас не знаю, как называется
это чувство.

зато в подвале было легко.
лампа мигала.
выдавали гуманитарное молоко.
мы ушли из подвала.

заняли свободный блокпост —
арматура и сваи.
спали себе, свет звезд и воздух
присваивали.

...я и сейчас не знаю, как называется.
но когда закрываю глаза —
гул бронетехники удаляется,
становится еле слышным,
разбивается на голоса.

«Тайна-наволочка-туман...»

тайна-наволочка-туман.
как булавку найду – вспоминаю
о тебе, о чистом постельном белье.
наши, как легкий туман,
отступают.
я отступаю.
сняли лычки. ключи на столе.

ты проснешься – нет никого.
чайник выключишь, высушишь листья,
скажешь – почта шуршит.
разве нет никого, если есть.
Катя, Миша, Алиса,
кто еще за подкладку зашит.

или этот конверт дорогой —
только проволока, проволока.
хочешь – сам подставляй имена.
или радуется рядовой,
что булавку нашел, что все выше осока.
шаг-другой – не достанет до дна.

«Вышли из трапезной. ветрено, дымно...»

вышли из трапезной. ветрено, дымно.
сад облетает, покоятся зеркала.
в каждом – то небо проглядывается, то имя.
родилась, умерла.

поздние птицы поют как сестры.
спать не дают, а проснуться нельзя.
гильзы в траве – ваши чистые слезы.
что ни найдешь – обещанная земля.

люди проходят, люди хотят проститься.
плачет солдатик, хватается за рукав.
люди проходят. пьет из ладанки птица,
имени не разобрав.

«Музыку включили, вышли на свободу...»

музыку включили, вышли на свободу,
не примяв траву.
все молчишь, турист, а я живу
и смотрю на воду.

нет бы мне сказал – в карьерах
есть второе дно?
и еще – какой там ходит шорох,
как становится темно?

музыку включили. вышли из кино.

нет бы мне сказал – какой там ходит шорох? —
спрашивал турист.
а отец до этого ушел.
день был чист.

шел и приговаривал во тьму —
что-то в этом есть.
ну, иди себе, — а мне и одному
хорошо здесь.

«Где граница участка – когда и где...»

где граница участка – когда и где.
снимают кору – *мастко*. ставят первый венец.
...вот умру, говорю им, – спрячусь в мутной воде,
как жук-плавунец.

станут возить меня на лебедке – вверх-вниз.
птица и рыба – лебедка, сколько мне лет.
...свет остролистый на всем, – а вот так повернись —
падает свет.

друг-керосинка, пойдем к пожарным прудам.
круг разобьется – станешь огнем молодым.
...падает свет, поднимается – к холодам —
глиняный дым.

«По шанхайке-грунтовке, но уже не домой...»

по шанхайке-грунтовке, но уже не домой.
так – леском сквозь себя прорастая.
или, скажем, дорогой самой,
говорящей – *дорога пустая*.

может было – и мы выходили к реке,
и ловился карась-бестолковик.
что он мог – на китайском своем языке, —
но сказал ведь, соколик, —

*лес келейный – когда забирает с собой —
и становятся люди в просветах —
не играй с ними в облак, в шатер голубой.
вам заимка дана не для этого.*

будто слушали мы да картошку пекли,
так – леском сквозь себя прорастая.
ворошили угли и гадали – вдали —
что там лает собака пустая?

там ведь тоже когда-то молчат у крыльца,
по мосткам осторожно ступают.
а то спрячутся все, не дождавшись отца,
и уже засыпают.

«Шли поклониться жасмину и добрым отцам...»

шли поклониться жасмину и добрым отцам.
предлагали щебень, бетон, асфальтную крошку.
— я покину вас на минутку?
— у нас все по часам.
— сходи, сходи на дорожку.

я покину вас на минутку, кафель, щебень, бетон, —
поклониться — добрым отцам, жасмину.
— не говори так.
— да я не о том. никогда не покину.

— что ты, как добрый отец, — никогда, никогда.
что мы — зря предлагали?
родину, щебет, щебень и провода,
провода и дали.

в каждом кусте сидит, в каждом кусте —
родина, щебет. темная, темная только.
шли, измеряли пение в темноте,
сопротивление, силу тока.

«Вот больница светом залита...»

вот больница светом залита.
город сквозь нее проходит.
коридоры, разговоры. клавиша пуста.
нас никто не переводит.

жизнь и начинается в отсутствии таком,
слышишь каждого больного.
чтоб со дна шагов дозвонился телефон
надо больше зрения спинного.

...косточки, ладошки — отойдите на чуть-чуть,
вас сегодня слишком ярко освещают.
и слова вообще, и эти — *ящер, чересчур* —
так навязчиво друг друга навешают.

...но уходят дорогие, отражаются в реке,
в сострадании к воде и человеку.
то на воздух выйду, то присяду в уголке.
хорошо ли мне как человеку?

«Сам я понял или научили старшие...»

сам я понял или научили старшие —
как дышать в молитвенное стекло.
а другие ходят сильно нараспашку
и дышат тяжело.

сам я помню. что такое? ничего не помню.
пол скрипит, начертываются круги.
или как поочередно открывают окна
дети — я которым — выйди помоги.

здравствуйте, которые, — собирайтесь в поле, —
не на кого будет посмотреть.
помолчим у двери, дверь оставим в поле,
как записочку на смерть.

а вернутся праздники, воскресенье птичье —
так отдаст ключи земля жива.
я на этот случай говорю потише —
то, что не слова.

«Только и слышал скрип – заходили просящие...»

только и слышал скрип – заходили просящие.
в доме еще сидел – слушал скрип.
шаги собирались, переставляли ящики,
ни одного не раскрыв.

только и слышал – утяжелялись движения, —
кто разрешал им так себе отвечать?
чередование просящих, их продолжения.
чуть-чуть еще, и опять.

вот затемнение – найди для меня, оставляющий,
слово хотя бы, – кто может больше сказать?
*кто оставляющий слово найди для хотя бы
больше меня сказать*

«И не знаешь уже, к кому обратиться...»

и не знаешь уже, к кому обратиться.
раз-два-три, где четвертый?
ходит дима-близнец, тревожная птица,
ни живой, ни мертвый.

будто не было детства, купанья в корыте,
разлетевшихся брызг.
ходит дима один в старом кителе,
пограничник границ.

не найди мы – стоял бы в церковном подвале.
может так и стоит там сейчас.
– где четвертый?
– его не позвали.
водим спичкой у глаз.

нет, не тьма, не пожар – это просьба такая,
дай мне долю сна твоего.
а взамен я не знаю, кого отпускаю.
вот что прежде всего.

«...Было и мне обещание...»

...было и мне обещание —
в сумерках – техническая вода.
в небе замерзло радиовещание.
то – звезда, звезда.

долгая-далекая – над заводом,
гул его с ней сопряжен.
ты на нем работаешь год за годом,
иного смысла лишен.

год за годом тянутся прихожане
тополю покоя желать,
но воздуха человеческого дрожание —
в нем дышо тяжелать.

слава богу, в нем не увидеться.
скрип-поскрип проходной.
сигаретка, другая еще безделица.
холодно мне, хорошо...

«Открываются поочередно...»

А. Б.

открываются поочередно,
но тебя не найти —
ни в больнице, ни в поле.
что вам будет угодно?
ничего-ничего, пропусти —
это так, от бессилия что ли.

хвойный день, слишком дымный.
узнаю тебя там,
но присутствие ослабевает.
вдох пустынный себя выдыхает
и идет по пятам.

не собраться уже и не стать
человеком, травой, полусветом.
навстречу не выйти —
этим лесом, тем летом,
где старуха по небу плыла,
где окрестность ждала
сына, ключа, открытия.

«Кто как не я. охранять дискотеку в березах...»

кто как не я. охранять дискотеку в березах —
человеком в форме отца.
скоро праздник.
скоро поезд приедет и заберет с собой.
безнадзорное дразнит – закури, часовой.

позволяю себе, в темное время суток —
о любви, которую не сберегли.
но как только – так то, что вдали,
протягивает легкий сверток.

– *не разворачивай!* –
нависает над воскресным столом.
бьет челом об стол, и дальше стоять-охранять.

раньше на месте платформы был бурелом,
танцевали пилы и топоры, пилы и топоры.
с той поры – ежедневные нормы и распорядок дня.
.....

– *я люблю эту песню, потому что она про меня.*
принять ли к сведению, или поставить прочерк?

говорю – собирайся, рабочий,
в новые ясли лесные, —
тихий час, чистый воздух, временки сквозные.
отдыхай, человек, – живи честно.

«Охраняешь, охранник...»

охраняешь, охранник, – листва над тобой не шумит, —
видишь глину, раздробленный камень.
и людей, – кто привозит их с трех до семи, —
неучтенные ходят кругами.

проследи, как до света меняется их состав,
как себе представителей ищут.
и на слух – что-то очень тяжелое тащат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.